

Юй Чаошэн вскрыл полученное письмо и увидел лишь одну небрежно начертанную строку: «Цзыфэн глубоко завоевал сердце Государя; Сяньчжи, даже превзойдя его в несколько раз, всё равно не сможет с ним сравниться».

Юй Чаошэн словно рассеял туман и внезапно прозрел. Поздней ночью он долго сидел в одиночестве за столом, погружившись в глубокие раздумья, а затем сжег письмо. Созерцая скручивающуюся и чернеющую бумагу, Юй Чаошэн будто вернулся на двенадцать лет назад. Тогда ему было всего двадцать пять, он сдал экзамены, став банъянем — вторым среди лучших, и должен был купаться в лучах славы. Но в тот год Ван Цзыфэн, который был младше его на целых семь лет, притянул к себе всё внимание. О нем, занявшем второе место, помнили меньше, чем о рядовых цзиньши прошлых лет!

Юй Чаошэн не питал зависти или обиды. Все эти годы он пристально наблюдал: почему Ван Цзыфэн пользуется столь глубоким благоволением Чжао Фу? И вот теперь ему, кажется, удалось приоткрыть завесу тайны.

Клан Ван из Ланъя, Правый канцлер Ван Цюань — всё это внешняя сила. Обычные люди, проникая в суть вещей, смотрят максимум на месяц-два, полгода или год вперед. А Ван Цзыфэн еще четыре года назад заложил такую фигуру, как Тан Цзинцзэ.

Юй Чаошэн тяжело вздохнул:

— Какой блестящий ход: отступить, чтобы наступать! Окружающие полагают, будто тебя лишили части власти. Но два года назад Чжао Цзин отнял у тебя полномочия, а в итоге оказался сослан в Циньчжоу, твое же влияние стало лишь сильнее. Этот Тан Цзинцзэ — твой соученик, вы братья по духу. Неужели теперь вы решите принести в жертву меня и моего наставника?

Юй Чаошэн находился далеко в Ючжоу и не мог влиять на дела в Шэнцзине; ему оставалось лишь судить о цельной картине по малым крупичкам.

Недавно Ван Чжэнь разжился иволгой. Птица ему очень понравилась, он повесил клетку возле кабинета и каждый день забавлялся с ней. Когда Тан Шэнь пришел к нему, Ван Чжэнь как раз дразнил иволгу. В ладони у него была горсть корма, и он бережно кормил пичугу с кончиков пальцев. Тан Шэнь постоял рядом и немного понаблюдал, а Ван Чжэнь спросил:

— Младший соученик тоже хочет попробовать?

— Почему бы и нет, — ответил Тан Шэнь.

Ван Чжэнь отсыпал половину корма и пересыпал в ладонь Тан Шэня.

— Старший соученик, с чего это ты вдруг решил завести птицу?

— Тот, с кем поистине хотелось бы забавляться, находится далеко на краю света. Вот и приходится улаживать себя этой птичкой — утолять жажду видом слив.

Тан Шэнь обомлел: «Это он о чем вообще?»

— Старший соученик, ты ведь не меня имеешь в виду?

На лице Ван Чжэня отразилось изумление:

— С чего бы? — Он высыпал остатки зерна в кормушку, отряхнул руки и вполне искренне добавил: — Почему у младшего соученика возникли такие заблуждения?

Глядя на честный и невинный вид Ван Чжэня, Тан Шэнь наполнился подозрениями, но ему оставалось лишь списать всё на собственную мнительность.

В самом деле, он ведь живой человек, а это — иволга. Как их можно сравнивать? К тому же, неужели Ван Цзыфэн может подшучивать над ним, когда захочет? Тан Шэнь и сам мог за словом в карман не лезть!

Глядя на меняющееся выражение лица Тан Шэня, Ван Чжэнь беззаботно улыбнулся и с удовлетворением произнес:

— Сегодняшняя забава принесла мне великую отраду и несказанную радость.

Тан Шэнь окончательно оторопел.

Ван Чжэнь продолжил:

— Ты пришел как раз вовремя. Утром из управы Цзиньлин доставили отборную корюшку, я велел поварам приготовить ее. Сегодняшний обед — угощение в твою честь, в знак благодарности за твоё покровительство.

Тан Шэнь удивился:

— Покровительство? Что ты имеешь в виду, старший соученик?

— А зачем ты пришел?

Тан Шэнь слегка смутился:

— Я получил повышение, но тем самым отнял часть твоих полномочий.

— Какое совпадение, я ведь говорил именно об этом. В прошлом месяце, когда я посещал Террасу Восхождения к Бессмертным, Его Величество обронил пару фраз, которые развеяли мои давние сомнения.

— Какие сомнения?

— Правители всех времен отчаянно мучились и прилагали невероятные усилия в вопросе назначения преемника. Однако наш Государь никогда этим не занимался.

Тан Шэнь обомлел. Он никак не ожидал, что Ван Чжэнь заговорит именно об этом. Поразмыслив немного, он сказал:

— У Государя не так много сыновей — всего трое. Старший соученик считает, что Его Величество уже сделал свой выбор?

Ван Чжэнь приложил указательный палец к губам и слегка улыбнулся:

— Тсс, волю Небес нельзя разглашать.

Тан Шэнь нахмурился:

— Ты что-то знаешь, старший соученик?

При их нынешних отношениях Ван Чжэнь ничего не стал бы скрывать от Тан Шэня. И сталкиваясь с какими-либо вопросами, Тан Шэнь спрашивал прямо, не проявляя былую осторожность и не прибегая к бесконечным проверкам. Подумав, Тан Шэнь продолжил:

— У Императора трое сыновей: Второй принц, Четвертый принц и Пятый принц. В прошлом году, когда в столицу прибыли послы Государства Ляо, Второй принц Чжао Шан получил высочайшее повеление принять их. Мне посчастливилось пересечься с ним пару раз.

— О? Младший соученик знаком со Вторым принцем?

— Знакомством это не назвать, так, виделись пару раз. — Тан Шэнь сделал паузу и продолжил: — Во время приема послов Государства Ляо Второй принц за всё брался сам. Послы Ляо вели себя крайне дерзко и раз за разом выказывали нам враждебность, но Второй принц не поддался гневу и вместе с министром Мэном отвел угрозу.

Принцы Великой Сун никогда не вмешивались в государственные дела, поэтому чиновники не имели возможности напрямую контактировать с ними. За четыре года службы Тан Шэнь видел лишь одного принца — Чжао Шана. Не сказать чтобы тот произвел на него неизгладимое впечатление, однако дело своё делал основательно, без спеси и горячности. Впрочем, особой проницательностью он не отличался — ни подвигов за ним не числилось, ни промахов.

На самом деле все трое сыновей Чжао Фу были посредственностями. Обладай они хоть какими-то выдающимися талантами, даже при намеренном игнорировании со стороны Чжао Фу они не оставались бы настолько безызвестными при дворе.

— Неужели ты что-то знаешь, старший соученик? — спросил Тан Шэнь.

— Я ничего не знаю. Назначение наследника с древнейших времен было важнейшим табу правителей. Неужели младший соученик думает, будто Государь станет обсуждать такое со мной?

Тан Шэнь и сам понимал, что каков бы ни был Ван Цзыфэн в фаворе, до подобной степени доверие дойти не могло.

— И каково же твоё мнение на этот счет?

Ван Чжэнь непринужденно перевел стрелки:

— А как на это смотрит младший соученик?

Ван Чжэнь вечно так поступал: перенаправлял вопрос обратно Тан Шэню, выведывая его мнение в обход. Тан Шэнь помял пальцами птичий корм и, подражая Ван Чжэню, высыпал оставшиеся крошки в кормушку. Отряхнув руки, он махнул рукой:

— Старший соученик, если хочешь что-то сказать, говори прямо. Как по мне, мы с тобой всегда были Фракцией императора. Эта поднебесная всё еще принадлежит Государю, и кто бы ни стал преемником — нас это не касается.

Ван Чжэнь приподнял бровь:

— Не ожидал, что у младшего соученика столь широкие взгляды. Это искренние слова?

— Разумеется, от самого сердца.

Ван Чжэнь вдруг улыбнулся и произнес со значением:

— Выходит, младший соученик — верный приверженец Фракции императора...

Сердце Тан Шэня сжалось. Он не понимал, что имел в виду Ван Чжэнь. Неужели тот сомневается, что он принадлежит к Фракции императора? И хотя Тан Шэнь прибыл в столицу и стал чиновником, чтобы расследовать правду о дворцовом перевороте тридцатиднолетней давности и вернуть доброе имя погибшим великим мужам, он действительно был человеком Государя и пользовался глубоким доверием Чжао Фу.

Тан Шэнь поднял голову, встретившись взглядом с чистыми глазами Ван Чжэня:

— Старший соученик...

— Вспомнил, что вчера мне досталась картина Ми Фэя. Не желает ли младший соученик посмотреть?

— А?

Ван Чжэнь просто взял Тан Шэня за руку и повел в кабинет. Тан Шэнь подчинился шагу, не успев даже сообразить, что происходит. Придя в себя, он опустил взгляд на их сцепленные руки. Рука Ван Чжэня была прохладной — в самый разгар знойного лета его ладонь ощущалась словно лед, прохлада от которого дарила невероятную приятность. Когда они вошли в комнату, Ван Чжэнь естественно отпустил его руку. Тан Шэнь чувствовал себя слегка неловко и поднял глаза на Ван Чжэня.

— Младшему соученику не по душе живопись Ми Фэя?

Ощукая на пальцах оставшуюся прохладу, Тан Шэнь ответил:

— Вовсе нет. Где картина? Покажи.

Ван Чжэнь бархатисто рассмеялся, и они вместе принялись любоваться полотном.

После ужина Ван Чжэнь пошел провожать Тан Шэня. В непроглядной тьме Ван Цзыфэн нес яркий фонарь, выведя Тан Шэня за ворота. Перед отбытием Тан Шэнь спросил:

— То, что старший соученик говорил сегодня... ты что-то заметил?

Фонарь озарял подбородок Ван Чжэня. На поясе у него всё так же висел ароматный мешочек, подаренный Тан Шэнем четыре года назад. В ночной тишине доносился лишь свист ветра, когда раздался изысканно-неторопливый голос Ван Чжэня:

— Младший соученик, я ведь не божество.

— Что?

— Всё это лишь догадки. Думаю, если младший соученик останется верен своему сердцу,

любые трудности будут по плечу.

Тан Шэнь покинул Резиденцию министра в полном замешательстве.

Вернувшись домой, он гадал и так и эдак, пока не пришел к выводу: «Ван Цзыфэн, возможно, действительно не получал точных сведений, а просто догадался, что Чжао Фу предпримет какие-то шаги по вопросу преемника. Он сказал мне оставаться верным своему сердцу... Но в чем моё сердце?» Вдруг Тан Шэнь лишился дара речи и с горькой ухмылкой вздохнул: «Моё сердце? Моё сердце — это Фракция императора, моё сердце — хранить верность одному лишь Чжао Фу! Ведь именно эти слова я днем сам сказал Ван Цзыфэну!»

Тан Шэнь долго думал в кабинете, уясняя замысел Ван Чжэня, и в то же время, сопоставив это со своими недавними встречами с Чжао Фу, пришел к собственным умозаключениям.

<http://bllate.org/book/18292/1757412>